

Мы за ценой не постоим?

Палаточный протест, Тель-Авив, 2011

От социализма — к неолиберализму. Как трансформировалось израильское общество за последние 40 лет, что утратило и что обрело — об этом наш разговор с главой филиала «Сохнут-Украина» Яковом Файтельсоном.

— Яков, буквально за последние 2-3 года Израиль потрясли невиданные ранее социальные протесты — «творожные» и палаточные бунты, массовые забастовки врачей, сотрудников авиакомпаний, преподавателей университетов и т.д. Число израильтян, полагающих, что страна находится в экономической стагнации, выросло за прошедшие полгода до 65%. В чем причина? Возможно, к взрыву привела огнеопасная смесь пережитков социализма с закваской дикого капитализма? Или в стране просто изменилась культура потребления?

— Культура потребления, действительно, изменилась — когда-то Израиль жил куда скромнее и между бедными и богатыми не было такой пропасти, как сегодня. Достаточно сказать, что сестра Голды Меир в 1960-е годы считала холодильник буржуазным излишеством. Но социальное напряжение существовало всегда — моя алия в начале 1970-х совпала с эпохой «Черных пантер», когда «восточная» молодежь сжигала чучело Голды, обвиняла сионизм в эксплуатации выходцев из стран Востока и угоняла грузовики с молоком, чтобы раздать его детям в бедных кварталах. Обвинения в дискриминации были не беспочвенны, хотя и ашкеназам приходилось несладко... Моя тетя Янина с мужем Хананом — главным художником русского драмтеатра в Вильнюсе — репатриировались в 1956-м, воспользовавшись своим довоенным польским гражданством. Они жили в бараке с асбестовой крышей, которую Ханан поливал водой, иначе в этом «доме» невозможно было находиться. Так что большой разницы между

«марокканскими» обитателями *маабарот* и «русскими» не было.

В течение трех лет мы получали от тети письма, суть которых сводилась к одной фразе: «Я на коленях бы приползла обратно в Вильнюс». Через три года тональность писем изменилась, а когда мы приехали в 1972-м, тетя с мужем (он уже был одним из видных организаторов международных выставок в Израиле и за рубежом) принимали нас на своей вилле в Ромеме в Хайфе.

Что касается нынешнего экономического пессимизма, то он странным образом сочетается с ростом частного потребления почти на 7% в год, средним ежегодным ростом ВВП на 4,4% в разгар мирового экономического кризиса и 14-м местом из 155 стран, которое Израиль занимает в международном «индексе счастья».

— А насколько велики были возможности социально-экономического лифта в 1970-е годы? И каковы они сейчас?

— Сошлюсь, опять же, на личный опыт. Я приехал в январе 1972 года с женой, трехлетним сыном и ящиком книг. Через четыре месяца работал по специальности — инженером компьютерных систем. А уже в 1974-м у меня была возможность взять ссуду и купить квартиру — 3,5 комнаты на той же Ромеме.

Без сомнения, в пору израильского социализма квартирный вопрос решался гораздо проще. Нас, например, поселили в доме, специально построенном для молодых пар и высленцев из *маабарот*, и дали право выкупить свою квартиру (чем мы и воспользовались), причем арендная плата за три года входила в ее стоимость. Это — огромный плюс. А минус состоял в том, что в каком городе и районе новому репатрианту жить, определяли чиновники. В условиях свободного рынка никто не может указать, где вам жить, но это имеет свою цену.

Впрочем, все дело в правильной оценке ситуации. Да, сегодня далеко не каждый может купить квартиру в Тель-Авиве за полмиллиона долларов. Правда, за эти деньги можно приобрести две квартиры в Беэр-Шеве, а учитывая, что там недавно начался инфраструктурный и строительный бум, то купивший жилье в столице Негева пару лет назад, сегодня уже в выигрыше.

Процесс исхода из центра страны на периферию только начинается, и это — не результат идеологической кампании вроде освоения целинных земель. Плотность населения в районе большого Тель-Авива составляет сегодня 7524 человека на кв. км., что на 63,4% превышает аналогичный показатель в перенаселенном секторе Газа. Такая плотность создает серьезные проблемы для качества жизни, поэтому многие израильтяне ищут возможность переехать из тесного и грязного мегаполиса в «провинцию». Главное препятствие для такого шага — отсутствие там работы по специальности и неоправданно большое время поездки от дома до места работы.

Необходимость заселения периферии всегда стояла на повестке дня, но до 1977 года реализацию этих планов парадоксальным образом сдерживала «вертикаль власти». Так, в 1960-е годы один крупный правительственный чиновник на вопрос, почему не прокладывается скоростная автострада от центра страны до ее северной границы, ответил примерно так: по этой дороге каждый, кому вздумается, сможет доехать из Тель-Авива в Кирьят Шмону и создать там свой бизнес, без меня. А сейчас я могу это контролировать. И когда я кого-то субсидирую, он четко знает, за кого голосовать на следующих выборах...

То, что происходит в последние годы, напротив, можно назвать транспортной революцией. Расширяется скоростное Трансизраильское шоссе, которое пересечет всю страну с севера на юг. Совершенствуется сеть железных дорог, и уже скоро из Иерусалима в Тель-Авив можно будет добраться за 28 минут, из Ашдода в Тель-Авив скоростной электропоезд доставит вас за 35 минут, а из Ашкелона — за 45. Планируется, что уже в 2018 году пассажирские перевозки из Тель-Авива в Эйлат будут осуществляться за два часа, с максимальной скоростью до 300 км/час.

— 40 лет назад вы ехали в страну всеобщего равенства, а попали в государство уравниловки. Не корбило?

— Поначалу нет. Но со временем пришло понимание, что «социализм с человеческим лицом» ведет к бюрократизации общества, в котором нет места для инициативных, творческих людей и где царят Закон Паркинсона и Принцип Питера. Война Судного дня все это обнажила и вызвала массовый протест. Вот так и я присоединился к движению «Израэль хадаша» («Новый

Израиль»). Основной наш тезис состоял в том, что система изжила себя, причем партия власти виновна не только в собственной коррумпированности, но и в том, что коррумпировала оппозицию. Лидеры движения — инженер Йосеф Дориэль и профессор Эзра Зоар — призывали передать бразды правления технократам, чтобы госаппарат заработал, как хорошо налаженный бизнес. К сожалению, не сумев мобилизовать финансовую поддержку (хотя было «под кого» — нас поддерживал, например, экс-глава «Моссада» Меир Амит), движение распалось. Но сама идея о том, что система изжила себя, захватила общество настолько, что центристская партия ДАШ во главе с Игалем Ядином получила 15 мандатов на выборах 1977 года. Во многом именно эти 15 мандатов подорвали гегемонию Рабочей партии и привели Менахема Бегина к власти.

— ***И как это сказалось на экономике?***

— Революционным образом, поскольку впервые в Израиле либеральная капиталистическая концепция получила право на жизнь. Произошел резкий переход от социалистической, планируемой модели экономики к экономике рыночной. Например, мой друг Йорам Аридор, одно время бывший министром финансов, в одночасье провел либерализацию рынка частного потребления. На рынке появились отличные и доступные по цене японские машины «Субару», о которых на Западе еще не знали. Каждая израильская семья получила возможность — сейчас это смешно звучит — приобрести цветной телевизор, поскольку ушел в прошлое *мехикон* — устройство, которое в Израиле в обязательном порядке встраивалось в цветной (читай — дорогой) аппарат, дабы сделать его черно-белым. Так социалисты понимали равенство возможностей.

Но, повторяюсь, все имеет свою цену. С одной стороны, новая политика открыла доступ к товарам, которые еще вчера считались предметами роскоши, но, с другой, переход оказался очень резким, и рост частного потребления за счет доступного банковского кредита привел к гиперинфляции — в начале 1980-х она превысила 400%. Йорам Аридор, которого прочили в преемники Бегина, выступил с предложением, за которое его буквально сожрали, вынудив уйти из политики, — он хотел привязать израильскую валюту к доллару, и, разумеется, был обвинен в отсутствии патриотизма и всех других смертных грехах. Впрочем, после его отставки именно так и произошло.

Следующим поворотным пунктом стало создание правительства национального единства Шамира-Переса с министром финансов Ицхаком Модай. Эта тройка фактически осуществила то, что пытаются сделать сегодня американцы и европейцы, хотя и не столь успешно, как в Израиле. Государство тогда фактически национализировало банки (не произнося вслух это «страшное» слово), приняв на себя их долги и поставив их деятельность под жесткий контроль, ввело привязку к курсу шекеля, и — буквально в течение года — инфляция упала в разы. Тогда же на горизонте замаячила возможность ликвидации монополий — Гистадрут стал падать под тяжестью долгов собственных фирм, которые уже нельзя было покрыть за счет государства, и был вынужден от них избавляться.

Третий этап капиталистической революции совпал по времени с интеграцией большой алии и реформами тогдашнего министра финансов Биби Нетаниягу по изменению структуры израильской экономики, которая все больше стала ориентироваться на развитие высоких технологий и экспортный потенциал. Достаточно сказать, что за последние 20 лет экономика Израиля выросла на 270%, сегодня у нас один из самых низких показателей безработицы среди стран-членов OECD, сфера хай-тека обеспечивает 50% экспорта, а ВВП на душу населения на 7% выше итальянского. Золотовалютные резервы государства, которые в 1995 году составляли \$8,3 млрд., в июле 2013-го превысили \$79 млрд., что в расчете на душу населения поставило Израиль на третье место в мире — после Саудовской Аравии и Тайваня. Этот, третий этап, мы переживаем и сегодня, и он «чреват», в частности, резким ростом благосостояния части населения, что и приводит к нарастанию социальной напряженности.

— И все-таки на улицы сегодня выходят не люмпены, а средний класс, который составляет костяк экономики любой развитой страны...

— Если бы проблема была столь глубока, то дело не ограничилось бы разовыми протестами. К тому же их организовывали не те, кто действительно вынужден жить в палатках, и не их дети. Еще Каутский сказал, что революции свершает не пролетариат, занятый добычей пропитания, а интеллигент, один раз не поужинавший. Так или иначе, но протест не получил массовой и долговременной поддержки, на которую рассчитывали его лидеры, и заглох сам собой.

Да, часть популистских требований правительство удовлетворило, например, введя бесплатное образование с трех лет, что привело к дефициту в 15 млрд. шекелей. Денег на это популярное в массах решение просто не было, поэтому пришлось в очередной раз увеличить госдолг. Стоит ли жаловаться на бюджетный дефицит, если снова и снова приходится доказывать, что бесплатных обедов не бывает и все имеет свою цену.

Разумеется, иногда проблемы создаются искусственно — вследствие бездарного управления. Так, например, в свое время один из лидеров партии МЕРЕЦ Ран Коэн выступил с прекрасной инициативой — продать амидаровские (то есть, социальные) квартиры их жителям. Идея

великолепная — старики, жившие в этих квартирах, выкупили их по очень гуманным ценам, но эти деньги, предназначавшиеся на строительство нового социального жилья, где-то растворились в госбюджете.

Сегодня 70% израильтян живут в собственных квартирах. Тем не менее, поскольку каждый год создается около 50 000 новых семей, для молодежи квартирный вопрос стоит очень остро. Буквально недавно министр финансов Яир Лапид решил разрушить монополию Земельного управления, благодаря чему новая государственная компания получит подряд на возведение 150 000 единиц жилья. Так что в течение нескольких лет этот вопрос удастся решить — но не нахрапом и не популистскими лозунгами «вынь да положь».

Беседовал Михаил Гольд